

Пераважае нейтральная лексіка з выкарыстаннем устойлівых словазлучэнняў: “За годы своего существования вуз стал настоящей кузницей кадров”, “многие его выпускники известны далеко за пределами нашей Родины”. Да недахопаў ePR-тэкстаў можна аднесці наяўнасць моўных клішэ: “покорённая вершина”, “широкие горизонты”, “уйти с головой”. Тэксты спалучаюць дзелавы характар са значным аб’ёмам інфармацыі.

Заклучэнне. Ва ўмовах усё ўзрастаючай канкурэнцыі стварэння і ўмацавання станоўчага вобраза ВНУ ePR-тэксты з’яўляюцца адным са шляхоў да заваявання даверу шырокага кола грамадскасці, павышэння ўласнай рэпутацыі і эфектыўным інструментам фарміравання іміджу вышэйшай навучальнай установы.

Інтэрнэт-прысутнасць – адзін з паказчыкаў інавацыйнасці ВНУ, найбольш перспектыўны шлях фарміравання станоўчых адносін да навучальнай установы, пераконвання мэтавай аўдыторыі ў яе надзейнасці, стабільнасці і іншых станоўчых характарыстыках. Гэта неад’емная частка грамадства, адзін з найбольш папулярных шляхоў распаўсюджвання інфармацыі. У PR-дзейнасці ВНУ шырока выкарыстоўваюцца такія перавагі гэтага рэсурсу як даступнасць, ахоп велізарнай аўдыторыі, хуткасць распаўсюджвання інфармацыі, магчымасць устанавіць надзейную зваротную сувязь.

Павысіць эфектыўнасць разгледжаных тэкстаў можна шляхам больш шырокага выкарыстання вобразна-выяўленчых моўных сродкаў: эпітэтаў, метафар, увасабленняў, параўнанняў, а таксама клічных, пабуджальных сказаў і г.д. Пры гэтым больш актыўнае выкарыстанне PR-тэкстаў у іх класічным вызначэнні дало б магчымасць узмацніць і пашырыць прырошчванне публіцытнага капіталу ВНУ.

1. Булгакова, А.А. PR-технологии формирования благоприятного имиджа высшего учебного заведения. / А.А. Булгакова // Журнал “Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна”. – 2014. – С.39-44.
2. Интернет-газета «VVSU ONLINE» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsuonline.wixsite.com/vsuonline14/>. – Дата доступа: 08.04.2019.
3. Официальный сайт телевидения ВГУ имени П. М. Машерова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsu.by/133-universitet/novosti-po-metkam/tvu.html>. – Дата доступа: 08.04.2019.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕХОВСКОГО РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЬЕЦУХА

Долгий М.В.,

студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Глазман Л.Я., канд. филол. наук

Классическая литература во все времена являлась примером для последующих поколений писателей. Исключением не стал и период конца XX – начала XXI веков, когда авторы стараются обращаться к классическим сюжетам для изображения современной действительности. Одним из наиболее ярких представителей современной русской литературы является В. Пьецух, творчество которого преимущественно построено на интертекстуальности и постоянных отсылках к классическим произведениям. Его рассказ «*Наш человек в футляре*» (1989) представляет собой современную интерпретацию произведения А. Чехова «*Человек в футляре*» (1898). В своём рассказе В. Пьецух старается показать то, как время способно изменить характер человека, а как следствие и характер всего поколения. **Актуальность** темы обусловлена недостаточной изученностью интертекстуального аспекта и его роли в творчестве В. Пьецуха.

Цель работы – выявить различия в изображении времени в рассказе А. Чехова «*Человек в футляре*» и его интертекстуальной интерпретации В. Пьецуха «*Наш человек в футляре*».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили рассказы А. Чехова «*Человек в футляре*» и В. Пьецуха «*Наш человек в футляре*». Для анализа использовались элементы сопоставительного, культурно-исторического методов, а также метод литературной герменевтики.

Результаты и их обсуждение. Творчество Владимира Пьецуха направлено на то, чтобы показать, как под воздействием времени меняются нравы, культура и, как следствие, сами люди. С целью наиболее яркого изображения этого временного контраста, писатель использует огромное количество отсылок к творчеству других авторов. С большим уважением и интересом писатель относится к творчеству А.П. Чехова. Широкое обращение В. Пьецуха к интертексту-

альности объясняется желанием вступить в полемику с писателями прошлого века и «предпочтительно на их собственном материале, желательно устами их же персонажей и по возможности тем же самым каноническим языком...» [2, с. 4].

Одним из наиболее известных рассказов В. Пьецуха является «*Наш человек в футляре*» (1989), который посвящён практически одноименному рассказу А. Чехова. С целью придать тексту оттенок современности писатель уже в названии разделяет рассказ, написанный в 1898 г., и своё произведение. Благодаря местоимению «*наш*», которое служит для конкретизации времени, читатель осознаёт, что в рассказе будет изложена современная интерпретация чеховского произведения.

В. Пьецух противопоставляет своего героя-современника персонажу А. Чехова. Одним из основных различий между Серпеевым и Беликовым, по мнению писателя, является то, что «Беликов, в сущности, не знал, чего он боялся, и умер от оскорбления; Серпеев отлично знал, чего он боялся, и умер оттого, что своих страхов не пережил» [1, с. 1]. Если же А. Чехов в своём рассказе рассматривает общечеловеческое понятие страха, то В. Пьецух старается больше внимания уделять деталям. Серпеев боится не того, «как бы чего не вышло» [3, с. 324], а «собак, разного рода привратников, милиционеров, прохожих, включая древних старух» [1, с. 1].

В рассказе «*Наш человек в футляре*» В. Пьецух изображает не только страх главного героя, но и всю его жизнь в целом. Автор конкретизирует все несоответствия в образах главных героев. Беликов старается не только сам жить в футляре, но и всё то, что его окружает также оградить от невидимой опасности внешнего мира: «И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши...» [3, с. 325]. У окружающих он вызывал чувство страха и ненависти к своей личности. Его старались избегать, так как «учителя боялись его. И даже директор боялся... Весь город!..» [3, с. 325]. В свою очередь, Беликов боялся окружающего мира не меньше, чем боялись его. Женитьба и женщины никогда его не пугали, но он по-прежнему опасался того, «как бы чего не вышло» [3, с. 324]. Смерть Беликова не вызывала сострадания к нему, а напротив, «хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие» [3, с. 327]. Для своего времени персонаж А. Чехова был всего лишь «вредной аномалией» [1, с. 3], которая наводила ужас и нуждалась в немедленной ликвидации.

Совершенную противоположность представляет образ жизни Серпеева, который не прячет свои вещи в чехлы, но при этом старается избегать всего, а в особенности мнимых опасностей. Персонаж В. Пьецуха способен увидеть угрозу во всём, что имеет материальную форму. В отличие от Беликова, Серпеева никто не боялся, а напротив, «он боялся учеников и учителей, особенно учителей» [1, с. 1]. Женщины вызывали у него чувство страха только оттого, что они могли «плеснуть ему в лицо соляной кислотой, а то и подать на алименты в народный суд» [1, с. 2].

Беликов отводил главное место условностям, которые он отчаянно соблюдал, и эгоистично любил древнегреческий язык. Персонаж-современник не был заключён в оболочку условностей, а русскую словесность использовал для того, чтобы благоприятно воздействовать на своих учеников.

Одним из ключевых эпизодов для раскрытия образов персонажей в рассказах А. Чехова и В. Пьецуха является смерть главных героев, которая проводит основную черту между XIX веком и современностью. Для своего времени Беликов являлся странным человеком, смерть которого была ожидаемым событием. Серпеев же стал тем, кого в конце XX столетия все жалели.

В двух рассказах, несмотря на схожие сюжетные линии и зеркальность главных персонажей, прослеживаются серьёзные различия между героями. Беликов представляет собой материальное воплощение эгоизма и беспорядочного страха перед жизнью, Серпеев же боится не за свою, а за чужую жизнь, так как он не мог «оставить детей на тех злых шалопаев, которые почему-то так и льнут к нашим детям и которые, на беду, составляют большинство учительства в его школе» [1, с. 2]. Все различия персонажей находятся в деталях, которые автор «нашего» героя для большего контраста создаёт на основе всем известного произведения. Сходство Серпеева и Беликова лишь внешнее, но внутри Серпеев олицетворяет страх не только самого себя, а боязнь всего советского народа. В отличие от чеховского персонажа, учитель русского языка и литературы бросает вызов государству в виде неподчинения стандартной школьной программе и всему жизненному укладу своего времени. Таким образом, настоящие имена главных героев – это эгоистический страх прошлого и запуганность современности.

Заключение. Для того чтобы показать то, как изменилось время, В. Пьецух использует классическое произведение А. Чехова «*Человек в футляре*» и практически дублирует сюжетную линию, но итог всех событий в современном произведении показывает воздействие време-

ни. Если чеховский герой предстаёт эгоистично-боязненным, то герой-современник – это запуганный человек.

1. Пьецух, В. А. Плагиат. Повести и рассказы [Электронный ресурс] / В. А. Пьецух. – М.: Глобулус, 2006. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=47227>. – Дата доступа: 30.07.2019.
2. Рябцев, А. Писатель Вячеслав Пьецух: «Наворовал. Купил «Ламборгини». А дальше? Это теперь главный русский вопрос!» [Электронный ресурс] / А. Рябцев // Интервью с Вячеславом Алексеевичем Пьецухом газете Комсомольская правда от 22.07.2008. – Режим доступа: <http://www.msk.kp.ru/daily/24133/3530>. – Дата доступа: 30.07.2019.
3. Чехов, А. П. Человек в футляре / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т. 10: Рассказы, повести 1898–1903. – М.: Наука, 1977. – 496 с.

АСАБЛІВАСЦІ ПУНКТУАЦЫЙНАГА АФАРМЛЕННЯ ПАРЭНТЭТЫЧНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ У МАСТАЦКІХ ТВОРАХ У. КАРАТКЕВІЧА

Заблоцкая Ю.С.,

*аспірант МДУ імя А.А. Куляшова, г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік – Шаршнёва В.М., канд. філал. навук, дацэнт*

Парэнтэза запавольвае на пісьме ход думак, рэзка змяняе іх напрамак, канцэнтруе ўвагу на кожнай асобна вылучанай адзінцы. Ужыванне парэнтэзы спрыяе, па-першае, дадатковай актуалізацыі ўстаўных канструкцый і частак асноўнага сказа, па-другое – павышэнню экспрэсіўнасці кантэксту. Узмацненне выразнасці шмат у чым залежыць ад канкрэтнага пунктуацыйнага знака, які афармляе парэнтэтычную канструкцыю [2, с. 3].

Устаўныя канструкцыі адносяцца ад асноўнага сказа дужкамі або працяжкамі. З пункту гледжання Г. Н. Акімавай, “падабенства дужак з працяжкам заключаецца ў тым, што яны здольны больш рэзка ў параўнанні з іншымі знакамі прыпынку чляніць тэкст і сінтаматычна, і інтанацыйна” [1, с. 58]. Працяжка, як правіла, ужываецца ў тым выпадку, калі ўстаўны элемент размяшчаецца ў сярэдзіне асноўнага сказа, і пры ўмове, што ён не мае іншых знакаў прыпынку і канструкцый, якія ўскладняюць структуру.

Мэта артыкула – разглядзець асаблівасці выкарыстання знакаў прыпынку пры выдзяленні парэнтэтычных канструкцый у творах У. Караткевіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі мастацкія творы У. Караткевіча. Асноўным у даследаванні выступае апісальны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У. Караткевіч хоць і прытрымліваецца асаблівасцей пунктуацыйнага афармлення парэнтэтычных канструкцый, аднак даволі часта разбурае традыцыйныя прыныцы. Для яго мастацкіх тэкстаў характэрна не толькі выкарыстанне дужак або працяжка для вылучэння ўстаўных элементаў, але і ўключэнне адной парэнтэзы ў другую, дзе пісьменнік ужывае і працяжнікі, і дужкі. У такім выпадку першая парэнтэтычная канструкцыя звязана са звесткамі, якія змяшчаюцца ў асноўным сказе. Такая канструкцыя выдзяляецца дужкамі. Другая ж парэнтэза ўжо не звязана з асноўным зместам сказа, а толькі тлумачыць або дапаўняе першую парэнтэтычную канструкцыю. У гэтым выпадку падобную ўстаўку У. Караткевіч вылучае падвойным працяжкам. Напрыклад:

Трэба было страціць апошняе сумленне, каб напаследак не памагчы бацькам на “прыгарадных і індывідуальна-ўстаноўскіх гародах” (гэтае слова-пачвара азначала, што кожная ўстанова атрымлівала кавалак зямлі і дзяліла яе на часткі між сваімі работнікамі, а таму ўчастак нельга было назваць “індывідуальным” – крыў божа! – а толькі “індывідуальна-ўстаноўскім”) («Лісце каштанаў»);

А тут яшчэ папаўзлі чуткі, што забойства адбылося на глебе палітыкі (язык без коствак, а палітыку тады – і, на жаль, не толькі тады – шукалі ва ўсім) («Чорны замак Альшанскі»);

Сям-там нават пераспелыя хвой стаялі так густа, што святло пачынала спачатку блытацца ў іх, высвятляючы то мядзяны – не абхапіць – стаўбур, то выварацень велічынёю з хату, цёмны і кашлаты, як мядзведзь (калі ўявіць такога – неіснуючага на велічынні – мядзведзя) («Чорны замак Альшанскі»);

Я ўдзячны быў Лыганоўскаму, што ён не навёў мяне на палатах, а проста напросіў санітараў прыводзіць тых хворых, якіх ён указаў, і кожнаму з іх выдаваў мяне не за староння-